

**Конвенция против пыток
и других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.
GENERAL

CAT/C/SR.291
5 May 1997

RUSSIAN
Original: FRENCH

КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК

Восемнадцатая сессия

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О ПЕРВОЙ (ОТКРЫТОЙ)* ЧАСТИ 291-го ЗАСЕДАНИЯ,
состоявшегося во Дворце Наций в Женеве в понедельник,
5 мая 1997 года, в 10 час. 00 мин.

Председатель: г-н ДИПАНДА МУЭЛЛЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со
статьей 19 Конвенции (продолжение)

- Третий периодический доклад Швеции

* Краткий отчет о второй (закрытой) части заседания издан в качестве
документа CAT/C/SR.296/Add.1.

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть
изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета.
Поправки должны направляться в течение одной недели с момента выпуска настоящего
документа в Секцию редактирования официальных отчетов, комната E.4108, Дворец Наций,
Женева.

Любые поправки к отчетам об открытых заседаниях данной сессии будут сведены в
единое исправление, которое будет издано вскоре после окончания сессии.

GE.97-16453 (R)

Заседание открывается в 10 час. 10 мин.

РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ (пункт 4 повестки дня) (продолжение)

Третий периодический доклад Швеции (CAT/C/34/Add.4)

1. По приглашению Председателя г-н Магнусон, г-жа Фридрём и г-жа Йенссон (Швеция) занимают места за столом Комитета.
2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ приветствует шведскую делегацию и предлагает ей представить третий периодический доклад.
3. Г-н МАГНУСОН (Швеция) заявляет, что за период, прошедший со времени составления третьего периодического доклада в августе 1996 года, в шведское законодательство были внесены важные изменения в ряде областей, представляющих интерес для Комитета. В частности, 1 января 1997 года вступили в силу изменения, внесенные в Закон об иностранцах. В новых положениях определяются, в частности, категории лиц, нуждающихся в защите, которые могут претендовать на получение вида на жительство в Швеции. Таковыми являются беженцы – согласно определению, содержащемуся в Конвенции 1951 года о статусе беженцев (данное в законе определение беженца охватывает – впервые – лиц, которые подвергаются опасности преследования, причем вне зависимости от того, идет ли речь о преследовании со стороны государства или о тех случаях, когда государство не обеспечивает защиту лиц от преследований со стороны других лиц); лица, в отношении которых имеются серьезные основания полагать, что им угрожает применение смертной казни или тех или иных телесных наказаний или что они могут подвергнуться пыткам или другим бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания; лица, которые нуждаются в защите в связи с внутренним или международным вооруженным конфликтом или которые в результате экологической катастрофы не могут вернуться в свою страну; и, наконец, лица, которые в силу своей половой принадлежности или того, что они являются гомосексуалистами, имеют серьезные основания полагать, что они могут подвергнуться преследованиям. Кроме того, вид на жительство может предоставляться иностранцам по гуманитарным соображениям. Изменения, внесенные в Закон об иностранцах, касаются также ряда процедурных аспектов. Так, предусмотрено, что процедура заслушивания ходатайствующих лиц будет применяться более часто и что решение будет выноситься лишь после заслушивания ходатайствующего лица.
4. Помимо этого, компетентные органы обязаны теперь давать письменное обоснование любого – как положительного, так и отрицательного – решения в отношении предоставления вида на жительство. Эти решения отныне могут быть обжалованы, даже если они не предполагают отказа во въезде на территорию или выдворения заинтересованного лица. Соответственно, отклонение ходатайства о предоставлении вида на

жительство до прибытия ходатайствующего лица в Швецию может быть оспорено, что имеет важное значение в случаях воссоединения семей. Следует также отметить, что, согласно новому положению, шведские власти должны удовлетворять любую просьбу международного органа, уполномоченного рассматривать жалобы частных лиц, относительно отсрочки исполнения решения, если только речь не идет об исключительных случаях.

5. Пересматриваются также положения, касающиеся содержания иностранцев под стражей, и соответствующие изменения к Закону об иностранцах вступят в силу 1 октября 1997 года. Отныне иностранцы, содержащиеся под стражей, и места их содержания под стражей будут находиться в ведении не полиции, а Управления по делам иммиграции. Иностранцы, задерживаемые на основании Закона об иностранцах, будут, как правило, помещаться в особые центры содержания под стражей. По исключительным соображениям безопасности Управление по делам иммиграции сможет принимать иные решения. Отныне введены ограничения в отношении возможности задержания иностранца в возрасте менее 18 лет (а не 16 лет, как это было ранее). Предусмотрены также новые положения, гарантирующие иностранцам более гуманные и более приличествующие их достоинству условия содержания под стражей. Иностранцы будут пользоваться теми же медицинскими услугами, что и лица, просящие об убежище.

6. Проинформировав Комитет об основных изменениях, внесенных в Закон об иностранцах, г-н Магнусон представляет некоторые замечания и уточнения по поводу доклада. Что касается политики невысылки (статья 3 Конвенции, пункт 4 доклада), то вступившая в силу 1 января статья 1 главы 8 Закона об иностранцах предусматривает, что иностранец, которому было отказано в разрешении на въезд или который должен быть выслан, ни в коем случае не может быть выслан в определенную страну, если имеются "разумные основания" полагать, что ему может угрожать там применение пыток; в прежнем же варианте данной статьи говорилось о "веских основаниях полагать". Как это было указано, с 1 января в Законе об иностранцах содержится четкое положение, согласно которому лицо, имеющее основания полагать, что ему угрожает применение смертной казни, телесных наказаний, пыток или других бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, должно получить вид на жительство. В законопроекте, лежавшем в основе этого положения, правительство подчеркнуло, что при наличии опасности применения пыток требования в отношении доказательств не должны быть излишне строгими.

7. Что касается применения статьи 8 Конвенции, то положения пункта 19 доклада утратили актуальность, поскольку в нем речь идет о ситуации, когда иностранец может быть выслан в связи с преступлением, совершенным в Швеции. Наконец, в том что касается применения статьи 16 Конвенции, положения, упомянутые в пунктах 24 и 25 доклада, должны рассматриваться как применимые ко всем несовершеннолетним, не достигшим 18-летнего возраста.

8. Г-н СОРЕНСЕН (докладчик по Швеции) благодарит представителя Швеции за его устное изложение. Ввиду того, что третий периодический доклад является сравнительно коротким и охватывает в основном новые факты, его замечания будут касаться всех докладов, представленных шведским правительством. Г-н Соренсен возглавлял делегацию Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая посетила Швецию в 1991 году. Поскольку шведские власти открыто опубликовали доклад и все сопутствующие документы, он считает, что вправе сослаться на них. Как докладчик Комитета против пыток он с удовлетворением констатирует, что среди изученной информации не было ни одного свидетельства наличия в Швеции практики применения пыток. Вместе с тем эта страна принимает большое количество беженцев, многие из которых, как известно, подвергались пыткам. Поэтому крайне важное значение имеет осуществление положений статьи 10 Конвенции, которая касается обучения и распространения информации в отношении запрещения пыток. В этом отношении Швеция, по всей видимости, выполняет свои обязательства по Конвенции. Вместе с тем отмечается, что вопрос о подготовке медицинского персонала освещен в первоначальном докладе и во втором периодическом докладе, но не затронут в третьем периодическом докладе. В пункте 15 второго периодического доклада упоминается о существовании центров и организации интересных семинаров в этой области, но вместе с тем добавляется, что систематических программ подготовки не существует. Однако можно предположить, что рано или поздно каждому врачу, стоматологу или другому медицинскому работнику в Швеции приходится сталкиваться с лицами, подвергавшимися пыткам. Учитывая глубокий и стойкий характер последствий применения пыток, необходимо, чтобы подготовку в соответствии со статьей 10 Конвенции проходил весь медицинский персонал. То же самое относится и к персоналу правоохранительных органов. Все сотрудники полиции и иммиграционных служб должны также учиться распознавать и понимать особенности поведения жертв пыток. Г-н Соренсен хотел бы знать, получают ли соответствующую подготовку упомянутые категории персонала.

9. Кроме того, в третьем периодическом докладе ничего не говорится о применении положений статей 11-15 Конвенции. Было бы интересно получить уточнения по этому вопросу, а также узнать, каким образом шведское правительство применяет эти статьи на практике в трех основных аспектах, каковыми являются деятельность полиции, продолжительность задержания и режима для лиц, изолируемых от общества в связи с состоянием здоровья. Что касается деятельности полиции, то статья 11 Конвенции возлагает на государство обязанность систематически рассматривать правила, инструкции, методы и практику, касающиеся допроса, а также условия содержания под стражей и обращения с лицами, подвергнутыми аресту. Как только те или иные лица оказываются в руках полиции, они должны иметь возможность пользоваться четырьмя основными правами: быть информированными о своих правах, иметь возможность проинформировать об аресте свою семью, прибегать к помощи адвоката и пользоваться медицинскими услугами. Закреплены ли эти права в каком-либо шведском законе или нормативном положении? Возможно ли их нарушение? Кроме того, кто обеспечивает систематическое наблюдение за деятельностью полиции и местами содержания под стражей? Существует ли в Швеции какой-либо орган, который мог бы без предварительного уведомления посещать

полицейские участки или тюрьмы для ознакомления с существующими там условиями, проверки списков задержанных и заключенных и свободного проведения встреч с лицами, содержащимися под стражей? Если такой орган существует, то составляет ли он доклады, и если да, то публикуются ли они?

10. Другим аспектом, требующим пристального внимания, является предварительное заключение. По сути, задержание лиц, на которых распространяется принцип презумпции невиновности, можно рассматривать как унижающий достоинство и бесчеловечный вид обращения, поэтому его продолжительность должна быть ограничена. Было бы полезно иметь подробные сведения о предварительном заключении в Швеции, особенно о его средней продолжительности и о тех условиях, при которых возможно вынесение решения о заключении под стражу. Можно с удовлетворением отметить, что с 1 января 1994 года решение о применении к лицу, содержащемуся в предварительном заключении, определенных ограничений (в отношении посещений, переписки, контакта с другими заключенными и т.д.) выносит не прокуратура, а судья. Вместе с тем суды, как представляется, еще слишком часто следуют рекомендациям прокуратуры, и весьма значительная часть лиц, содержащихся в предварительном заключении, подвергается тем или иным ограничениям. Меры, связанные с лишением свободы, могут применяться к трем другим категориям лиц. Прежде всего, в том что касается душевнобольных лиц, Комитет хотел бы получить экземпляр доклада, который должен быть представлен правительству в конце 1997 года независимой комиссией, которой было поручено оценить влияние новых нормативных актов – Закона о принудительном психиатрическом лечении и Закона о судебной психиатрии, которые вступили в силу 1 января 1992 года, – на права личности (пункт 29 доклада). Г-н Соренсен спрашивает, при каких условиях соответствующие лица помещаются в психиатрические лечебные учреждения и какова средняя продолжительность срока, на который больной может быть помещен в такое учреждение против его воли. Кроме того, в пункте 116 первоначального доклада (CAT/C/5/Add.1) указано, что в 1985 году ВИЧ-инфекция была отнесена к разряду венерических заболеваний, на которые распространяется действие Закона о защите от инфекционных заболеваний, и что с тех пор в соответствии с данным Законом пять человек были подвергнуты принудительной изоляции. Имеются ли в настоящее время ВИЧ-инфицированные лица, подвергаемые принудительной изоляции, и если да, то с какого времени к ним применяется такая мера? Лишение свободы может также применяться к алкоголикам и токсикоманам. Законом о лечении лиц, злоупотребляющих определенными веществами, который вступил в силу 1 января 1989 года (CAT/C/17/Add.9, пункт 23), предусмотрены необходимые условия применения принудительных мер медицинского характера, и одним из них является такое условие, когда лицо, злоупотребляющее определенными веществами, ставит под серьезную угрозу свое собственное физическое или психическое здоровье или явно подвергает опасности свою жизнь. Каковы другие условия, которые могут повлечь за собой применение меры принудительного лечения в таких случаях?

11. Предусмотренные в шведском законодательстве положения, касающиеся возмещения ущерба, компенсации и реабилитации, позволяют в полной мере реализовать положения статьи 14 Конвенции. Кроме того, следует отметить, что шведские власти, действуя через Шведское агентство международного развития, вносят эффективный вклад в области реадaptации жертв пыток за рубежом и что Швеция является одной из основных стран, вносящих средства в Фонд добровольных взносов Организации Объединенных Наций для жертв пыток.

12. Г-н БЕРНС (содокладчик по Швеции) также выражает глубокое удовлетворение в отношении принятого Швецией законодательства, касающегося предотвращения пыток, и административных процедур, посредством которых оно осуществляется. Прежде всего, он спрашивает, применяется ли статья 1 главы 8 Закона об иностранцах, которая была изменена в январе 1997 года и о которой упомянул г-н Магнусон в его выступлении, также и к террористам. Он приветствует новые положения этого Закона, в соответствии с которыми вид на жительство в Швеции сможет выдаваться лицам, которые в силу их половой принадлежности или того, что они являются гомосексуалистами, имеют серьезные основания полагать, что в случае их высылки в страну происхождения они могут подвергнуться преследованиям.

13. Касаясь статьи 3 Конвенции, г-н Бернс спрашивает, какова средняя продолжительность задержания, которому подвергаются лица, просящие убежища, и предусмотрены ли законом ограничения в отношении такого срока.

14. В пункте 9 доклада перечисляются деяния, упомянутые в статье 1 Конвенции и определенные в качестве уголовно наказуемых деяний, а в пункте 12 указано, что, по мнению правительства Швеции, действующее национальное законодательство соответствует обязательствам страны, вытекающим из статьи 4 Конвенции. По мнению же Комитета, тот факт, что определение пытки, данное в статье 1 Конвенции, как таковое не было включено в законодательство, не позволяет говорить об абсолютном соответствии. Могут ли некоторые деяния, перечисленные в пункте 9 доклада, быть квалифицированы как применение пыток? Если говорить более конкретно, то представляют ли собой преступные посягательства, совершаемые полицейскими и тюремными надзирателями (пункты 30 и 31 доклада), акты пыток или же – если нет – жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения?

15. Наконец, указывая на пункт 100 первоначального доклада (CAT/C/5/Add.1), где говорится о том, как в ходе судебного разбирательства используются заявления, сделанные на этапе предварительного расследования, г-н Бёрнс спрашивает, действительно ли шведское законодательство соответствует в этом отношении положениям статьи 15 Конвенции.

16. Г-жа ИЛИОПУЛОС-СТРАНГАС также приветствует прекрасный Закон об иностранцах, который мог бы послужить образцом для законотворческой работы во многих странах. Она хотела бы знать, какие критерии используются для определения того, являются ли заявления, сделанные иностранцем в порядке обоснования своих опасений в связи с возвращением в страну происхождения, заслуживающими доверия и правдоподобными.

17. Г-н РЕГМИ благодарит шведскую делегацию за устное представление доклада и подчеркивает при этом ту пунктуальность, с которой это государство-участник представляет свои периодические доклады. Он, как и другие, выражает сожаление по поводу того, что шведские власти до сих пор не включили в национальное законодательство их страны определение пытки, которое соответствовало бы определению, содержащемуся в статье 1 Конвенции. Кроме того, он просит шведскую делегацию представить дополнительную информацию по двум следующим делам, о которых сообщила организация "Международная амнистия": дело Тони Мутка, заключенного, скончавшегося во время транспортировки в присутствии сопровождавших сотрудников пенитенциарного учреждения, и дело Сергио Нигретти, который, как утверждалось, подвергся жестокому обращению во время пребывания в тюрьме города Кумла. Г-н Регми хотел бы знать, насколько точными являются сведения, представленные организацией "Международная амнистия", и были ли привлечены к ответственности и наказаны виновные лица.

18. Г-н ПИКИС считает, что третий периодический доклад Швеции является недостаточным, поскольку его цель состояла в информировании Комитета, с одной стороны, об изменениях, происшедших в законодательной области за период с момента представления предыдущего доклада, и, с другой стороны, о событиях и фактах, касающихся осуществления положений каждой статьи Конвенции. Кроме того, в докладах государств-участников должно быть четко указано, разделяет ли государство те озабоченности, которые были высказаны Комитетом ранее, и выполнялись ли на практике рекомендации Комитета, а если нет, то почему.

19. Юридический совет, упомянутый в пункте 19 основного документа (HRI/CORE/1/Add.4), выносит заключения по проектам законов. Каков мандат этого совета? Рассматривает ли он вопросы о конституционности законов, может ли он обеспечивать соответствие законопроектов нормам международного права в целом и Конвенции против пыток в частности? В отношении пунктов 31-33 того же документа г-н Пикис хотел бы знать, вправе ли обычный суд выносить заключения о конституционности органического закона и может ли он отменить такой закон на основании его неконституционности. Могут ли суды заниматься вопросами проверки соответствия того или иного текста признанным нормам в области прав человека, и в частности Конвенции?

20. Г-н Пикис несколько удивлен тому, что, как указано в пункте 35 основного документа, парламентский омбудсмен может по итогам расследования налагать санкции на судью, и спрашивает, совместимо ли это с принципом независимости судебной власти.

Из пунктов 39–47 основного документа, которые касаются средств правовой защиты и компенсации, не ясно, несет ли государство прямую ответственность за действия своих должностных лиц в случае нарушения прав человека. В этом контексте было бы полезно знать, каков размер компенсаций, которые могут выплачиваться, и кто принимает решение об их выплате, и существуют ли в Швеции отдельные законодательные положения, предусматривающие компенсацию жертвам актов насилия, и каково их содержание.

21. В пункте 52 документа HRI/CORE/1/Add.4 указано, что ни один шведский гражданин не может быть выслан из Швеции. Если шведский гражданин совершил акт пытки за рубежом, то подлежит ли он преследованию в Швеции? В таком случае должны применяться положения пункта 2 статьи 5 Конвенции.

22. В контексте пунктов 69 и 70 основного документа возникает вопрос о том, считаются ли нормы международного права составной частью системы шведского внутригосударственного права и расцениваются ли нормы обычного международного права как неразрывно связанные с национальным правом и применяющиеся в стране.

23. Из третьего периодического доклада (CAT/C/34/Add.4) явствует, что шведские власти не видят необходимости в определении преступления пытки, с тем чтобы можно было четко запретить акты репрессий, подлежащие особо суровому уголовному наказанию. Указанные в докладе в контексте статьи 4 Конвенции преступления – как по отдельности, так и в комплексе – не содержат никаких элементов, которые составляли бы преступление пытки, как оно определено в Конвенции. Наказания, предусмотренные за преступные посягательства, когда таковые совершаются в целях получения признаний, представляются весьма мягкими. Следует признать, что меры наказания, предусмотренные за незаконное принуждение, о которых говорится в подпункте d) пункта 16 доклада, близки к тому, что предусмотрено Конвенцией, однако положения Конвенции не ограничиваются применением принуждения для получения признаний, они затрагивают также принуждение, применяемое в качестве наказания и запугивания. В свете фактов, изложенных в пункте 30 доклада, было бы полезно знать, какие санкции предусмотрены законом за преступные посягательства, совершенные полицейскими в отношении подозреваемых или лиц, содержащихся под стражей. Условные меры наказания и штрафы представляются в этих случаях весьма мягкими санкциями, и, со своей стороны, г-н Пикис удивляется тому, что поступок инспектора полиции, который нанес задержанной женщине оскорбление действием, потянув ее за волосы, было квалифицировано как "мелкое посягательство", в то время как речь идет об унижающем достоинство виде обращения. Озабоченность вызывает у него и упомянутое в докладе использование собак; организация "Международная амнистия" также осудила этот факт в контексте дела, о котором упомянул г-н Регми. В связи с этим было бы полезно знать содержание нормативных положений, регламентирующих использование собак: при каких обстоятельствах эти животные, которые могут быть опасными для человека, могут быть спущены с привязи, кем и при каких условиях?

24. Г-н Пикис желал бы также знать, каковы различные типы содержания под стражей и режима тюремного заключения в Швеции, существует ли режим одиночного заключения и считается ли он соответствующим статье 16 Конвенции, предназначен ли этот режим исключительно для заключенных, ожидающих суда, и какова может быть продолжительность такого заключения, каковы практические методы его применения, при каких условиях он может быть применен, кто выносит решение о его применении и имеются ли средства правовой защиты для опротестования данной меры. Наконец, г-н Пикис присоединяется к г-ну Регми, который просил представить разъяснения в отношении тех дел, о которых сообщила организация "Международная амнистия".

25. Г-н ЖУПАНЧИЧ желает вернуться к вопросу, уже затронутому г-ном Бёрнсом и г-ном Пикисом, - вопросу о включении в шведское законодательство определения пытки как преступления. Статья 4 Конвенции предусматривает, что все акты пытки должны рассматриваться в соответствии с уголовным законодательством как преступления. По мнению шведского правительства, преступления, перечисленные в пункте 9 его доклада (CAT/C/34/Add.4), охватывают все акты, оговоренные в статье 4 Конвенции. Определение же, закрепленное в ее статье 1, является весьма детальным с точки зрения уголовного права и было сформулировано с максимальной тщательностью. В нем уточняется, что речь идет о действиях, совершенных государственными должностными лицами или иными лицами, выступающими в официальном качестве, в то время как акты, перечисленные в пункте 9 доклада, могут быть совершены любым лицом, а не какой-то определенной категорией лиц. Речь идет не просто о вопросе определения, поскольку в данном случае отсюда вытекает обязательство применять более серьезные наказания к лицам, совершившим такие преступления, в силу того, что они совершили их при исполнении служебных обязанностей. Кроме того, преступления, оговоренные в Конвенции, характеризуются конкретной направленностью: речь может идти о получении признаний, произвольном наказании (могущем быть приравненным мести), запугивании или принуждении или, наконец, проведении той или иной формы дискриминации. Эти конкретные цели, являющиеся составной частью определения, никак не упомянуты в пункте 9 рассматриваемого доклада.

26. Понятие покушения, упомянутое в пункте 11 доклада Швеции, обычно имеет определение в уголовных кодексах, где чаще всего предусматривается, что покушение должно наказываться в тех случаях, когда за само не доведенное до конца деяние следует наказание, превышающее, например, пять лет тюремного заключения; что же касается актов, перечисленных в пункте 9 доклада, то такое положение применяется не во всех случаях, и это является еще одним основанием для включения определения пытки, данного в Конвенции, в шведскую правовую систему. Кроме того, должно быть четко закреплено правило, согласно которому признание, полученное посредством применения пытки, не должно приниматься во внимание в рамках всей судебной процедуры, а не только при вынесении решения. Римское право является в этом отношении намного более мягким, нежели англо-саксонское право, и некоторые доказательства могут быть исключены из процедуры лишь в том случае, если они признаны судебным органом как полученные в

результате применения пытки, а это является невозможным при отсутствии определения пытки.

27. Соучастие – очень широкое понятие – в актах пытки также подлежит наказанию в соответствии с положениями статьи 4 Конвенции, а сведения, приведенные по этому вопросу в пункте 10 доклада, являются недостаточными. Этот вопрос, по всей видимости, также обуславливает необходимость включения полного определения пытки в шведскую правовую систему. Пункт 2 статьи 2 Конвенции предусматривает, что никакие обстоятельства не могут служить оправданием пыток. Г-н Жупанчич не сомневается, что для определенных случаев в шведском Уголовном кодексе предусмотрены оправдания для всех актов, перечисленных в пункте 9 доклада. Этот довод также говорит в пользу необходимости включения определения пытки в шведскую правовую систему. Наконец, в Конвенции предусмотрено, что государства-участники обеспечивают любому лицу, которое утверждает, что оно было подвергнуто пыткам, право на предъявление жалобы и, в конечном итоге, на получение компенсации, что является невозможным в отсутствие такого определения.

28. Г-н ЯКОВЛЕВ также считает, что Швеция является одной из стран, где обеспечивается наилучшее применение Конвенции. В частности, особый интерес представляет та первостепенная роль, которую играет омбудсмен. Вместе с тем он хотел бы узнать более подробно об условиях осуществления арестов полицией. Естественно, бывают случаи, когда аресты сопровождаются применением силы, поскольку некоторые из задерживаемых лиц являются опасными преступниками или ведут себя агрессивно. Возникающая здесь проблема связана с тем, где проходит граница между законным и незаконным применением силы: существуют ли соответствующие директивы для представителей государственной власти и каковы их основные положения?

29. Г-н КАМАРА присоединяется к очень позитивным оценкам, данным другими членами Комитета стране, которая, несомненно, наилучшим образом обеспечивает применение Конвенции, но вместе с тем он хотел бы задать вопрос в отношении пункта 32 доклада, где изложены обстоятельства смерти заключенного, который, как указано, страдал психическим расстройством. Суд признал, что действия охранников не были причиной смерти заключенного, однако они не соответствовали правилам его транспортировки, и в этой связи было бы полезно знать, на чем было основано вынесенное решение, и в частности было ли составлено медицинское заключение об отсутствии причинно-следственной связи между несоблюдением правил транспортировки заключенных и смертью данного лица. В более общем плане г-н Камара хотел бы получить уточнение в отношении того, существуют ли в шведском уголовном праве положения, касающиеся умышленного убийства (например, по небрежности, по неосторожности или в результате несоблюдения правил). Кроме того, он желает вернуться к вопросу об оправдывающих обстоятельствах: если шведское законодательство не содержит определения преступления пытки и если оно не предусматривает, что никакие обстоятельства не могут служить оправданием пыток, то как Швеция может утверждать, что она соблюдает Конвенцию? Если пытки охватываются общей частью уголовного права, для них, как для любого другого преступления, имеются

оправдывающие обстоятельства, освобождающие их автора от ответственности. Государство-участник, по всей видимости, должно предусмотреть для актов пытки особые положения, с тем чтобы обеспечить соблюдение пункта 2 статьи 2 Конвенции.

30. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ присоединяется к членам Комитета, высказавшим похвальные слова в адрес Швеции. Он разделяет замечания о необходимости включения в законодательство определения актов пытки как конкретного уголовно наказуемого деяния, что вызывало озабоченность Комитета еще со времен рассмотрения первоначального доклада. К различным аргументам, выдвинутым в пользу включения такого определения, можно добавить, что при отсутствии определения пытки Швеция, если это окажется необходимым, не сможет привести статистические данные о количестве случаев осуждения в связи с актами пыток.

31. Г-н МАГНУСОН (Швеция) заявляет, что теперь он может ответить на один из вопросов, заданных членами Комитета: изменения в законодательстве, о которых он упоминал ранее, вступили в силу 1 января 1997 года; другая серия изменений в отношении системы содержания под стражей находится на рассмотрении и вступит в силу в октябре 1997 года.

32. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает шведской делегации ответить на заданные ей вопросы на следующем заседании.

33. Шведская делегация покидает места за столом Комитета.

Открытая часть заседания заканчивается в 11 час. 40 мин.